

Э тот отрезок пути тонул в густом тумане, влажном и мерцающем. Валентина медленно, сдерживая нетерпение, вела машину, вглядываясь в пейзаж, едва видимый за туманной завесой. Белая пелена, напоминая свадебную вуаль, будто затянула машину.

Чем ближе к месту назначения, тем сильнее тревожила Валентину странная тишина вокруг. Она напряженно вглядывалась вперед, ей казалось, что в тумане скрывается нечто неведомое, хотя она прекрасно знала эти места. По этому шоссе Валентина ездила ежедневно. Обычно она наслаждалась каждым изгибом дороги, каждым поворотом, открывавшим милые домики, пасторальные луга, синий проблеск моря. Почему же места, прежде казавшиеся идиллическими, сделались вдруг чужими, неудобными?

Прибавив газу, Валентина Редондо увидела в прорехе тумана, на повороте серпантина, машину. Ривейро с Сабаделем. Минут через пять, в сопровождении дожидавшейся на обочине патрульной машины, автомобили въехали в Гандару. Это был небольшой поселок, сплошь состоявший из многоквартирных трехэтажных домов. Припарковавшись, Редондо с помощниками направились к месту, которое охраняли патрульные.

Зрелище впечатляло. От моты, строения некогда круглого, остались лишь руины. В центре сохранилось приподнятое над землей основание, окруженное рвом метра два в глубину, с наружной стороны рва — еще одно кольцо, насыпь с центральным возвышением, и следующий ров, той же глубины, что и первый. Рядом с этой круговой конструкцией, буквально дышавшей древностью, современные дома выглядели почти неуместно.

Средневековые руины, густо заросшие травой, были обнесены невысокой деревянной изгородью, в диаметре все сооружение достигало приблизительно восьмидесяти метров.

В самом центре возвышения лежала женщина, которую действительно можно было принять за принцессу. Поза спокойная — руки сложены на животе, словно спит, и даже издали было видно, что она очень красива: гладкая кожа, античные черты, в которых мягкость и нежность соединялись с решительностью, золото распущенных волос растекалось вокруг головы. И только пухлые губы, бледные, безжизненные, выдавали, что женщина вряд ли просто спит.

Валентина мысленно согласилась, что “принцесса” действительно напоминает средневековую даму: одета во что-то наподобие белой льняной туники, доходящей до пят, на талии одеяние стянуто поясом цвета темного золота, концы пояса словно стекают вдоль бедер.

Вокруг суетились криминалисты в белых комбинезонах, фотографировали тело в свете мощного прожектора, записывали, зарисовывали, обследовали все вокруг. Двое агентов торопливо устанавливали вертикальные щиты, чтобы огородить место преступления и скрыть жертву от любопытных взглядов прохожих, которые вот-вот появятся.

Ключья тумана, разорванного когтями встающего солнца, придавали картине зловещую кинематографичность — казалось, после столкновения пространственно-временных пластов в мир, где обитает принцесса, приземлились астронавты.

Валентина узнала Клару Мухику, та, тоже заметив ее, направилась к ней, стараясь ничего не задеть и не мешать криминалистам. Лейтенант двинулась ей навстречу по специально оставленному узкому проходу между кольцами моты. Клара, маленькая хрупкая женщина лет пятидесяти, с золотисто-пшеничными волосами, была подругой Валентины с тех самых пор, когда та шесть лет назад перебралась в Сантандер из родной Галисии.

— Неплохое начало дня, да? — сказала Клара вместо приветствия.

— Что и говорить — картина странная. Бедная — лежит там, будто Белоснежка... Мы точно в сказке братьев Grimm. Ты успела осмотреть тело? Тебя пропустили? — Валентина кивком головы указала на хлопочущих криминалистов.

— Да, пропустили. Милые ребята. Стоило пригрозить, что буду ждать их в зале для аутопсии, так сразу оставили меня в покое. — И она подмигнула Валентине.

— Личность, как я понимаю, установить не удалось.

— Правильно понимаешь. При ней никаких документов, вот ни одной, даже самой завалящей, бумажонки. И ни кошелек, ни сумки. По крайней мере, в радиусе ста метров пока ничего не нашли.

— Так, успокой меня, пока мы тут все не рехнулись. Может, хоть какая-нибудь бирка на одежде? А то кое-кто уверен, что это средневековая принцесса. Или ты и сама так считаешь? — саркастично спросила Валентина.

— Звучит безумно, но бирок нет, лейтенант.

— Уверена?

— Пока ничего. Платье старинное, похоже, ручной работы, кожаная жилетка — к слову, тоже довольно древняя — изнутри аккуратно заштопана. Но я и сама лишь десять минут как приехала, так что толком изучить не успела.

Валентина несколько секунд молча раздумывала над информацией. Она полностью доверяла профессионализму Клары, с которой особенно сблизилась после той жутковатой истории с найденным на вилле “Марина” скелетом младенца. Для них обеих то расследование стало личным и профессиональным вызовом, к тому же в их жизни появился Оливер Гордон. В его лице судмедэксперт обрела нового родственника, а Валентина — любовь. Пути этих женщин едва ли могли пересечься с Оливером при иных обстоятельствах.

Клара с радостью наблюдала за развитием отношений Валентины и Оливера. После событий вокруг дела на вилле “Марина”,

в том числе смерти ее матери, она несколько смягчила свойственный ей резковатый сарказм. И вот теперь, спустя долгие годы практики, ей вдруг стало сложно бесстрастно относиться к случаям, с которыми ее сводила работа.

— Хорошо, и что ты думаешь? Когда наступила смерть? — спросила Валентина.

Клара колебалась. Она не любила делиться неподтвержденными догадками, но понимала, что следователи торопятся получить хоть какие-то сведения, любая информация может оказаться ключевой.

— Смогу сообщить что-то конкретнее, когда внимательно осмотрю тело, но, учитывая температуру тела, которое, несмотря на холод, еще теплое, я бы сказала, что умерла она не больше шести часов назад. Однако окоченение уже наступило. Это очень странно.

— Почему?

— Потому что *rigor mortis*, то есть трупное окоченение, начинается от трех до шести часов после смерти, а это тело уже целиком окоченело. Его состояние не соответствует температуре.

— Не соответствует?

— Нет. С момента смерти температура тела опускается на один градус в час. Если предположить, что у этой женщины при жизни была средняя температура тела, то есть где-то тридцать шесть с половиной на кожных покровах и тридцать семь градусов на слизистой, то к настоящему времени, с учетом окружающего холода, она должна быть мертва не более шести часов, поскольку температура ее тела сейчас тридцать один градус.

— А, поняла. Трупное окоченение должно было лишь начаться, а она уже совсем окоченела, так?

— Именно.

Валентина вздохнула и поймала насмешливый взгляд по-други.

— Спокойно, лейтенант, всему можно найти логичное и научно обоснованное объяснение.

— Ладно, просвети меня. С чем это может быть связано? И... от чего она умерла?

— Для медицинского заключения пока рано, но причиной может быть яд. Расширенные зрачки и слегка пожелтевшая кожа — признаки интоксикации, к тому же следов насильственной смерти не обнаружено, на теле нет ран, покраснений или гематом — правда, ее пока не раздевали. И еще одна деталь наводит меня на мысль о яде и заодно может внести ясность относительно разницы в степени окоченения тела и его температуры. Дело в том, что тела умерших от яда быстрее достигают окоченения, а если тело подверглось гипертермии вследствие интоксикации, то полагаться на температуру не стоит, так как смерть в этом случае наступила бы за несколько часов до предполагаемого времени... Но предоставить тебе более достоверные данные пока не могу, это лишь догадки.

— Гипертермия?

— Да. Когда организм реагирует на токсичное вещество, температура может сильно повыситься, вплоть до сорока двух — сорока трех градусов.

— Ого, ничего себе...

— Еще какое ого. И если такая температура продержится более пяти минут, почти неизбежно наступит смерть. Как только я осмотрю тело в Институте судебной медицины, сразу получишь более конкретную информацию. — Клара подняла руку, останавливая Валентину, порывавшуюся что-то сказать: — Да, да, мы немедленно приступим к работе, никто со вскрытием тянуть не станет, и я передам тебе все данные как можно скорее. Договорились, лейтенант?

Валентина облегченно вздохнула: медицинские разъяснения Клары Мухики развеяли глупые домыслы, ничего тут нет сверхъестественного.

— Хорошо. То есть мы хотя бы понимаем, что это не средневековая мумия, а свежий труп.

— Так и есть, — подтвердила судмедэксперт. — Как-то мне не верится, что на момент смерти ей было пятьсот лет, — съязвила она.

Валентина с улыбкой кивнула, а Клара Мухика, не попрощавшись, развернулась и направилась к телу женщины. Валентина

же подошла к своим коллегам из отдела расследований, но Клара вдруг окликнула ее:

- Лейтенант!
- Сеньора Мухика? — официально отозвалась Валентина.
- Я забыла важную деталь.
- Какую?
- Монету.
- Монету?
- Да, у женщины в руке была монета...

Валентина ждала подробностей. Клара, всем видом давая понять, как ей не терпится вернуться к работе, торопливо объяснила:

— Явно древняя монета, на ней изображено что-то вроде льва в короне, выбит год, тысяча пятьсот какой-то там. Монета у криминалистов, расспроси их. Я пока не эксперт в нумизматике.

- А можно еще один вопрос?
- Давай, — устало вздохнула Клара.
- Как думаешь, это мог быть суицид?

Клара такую версию не рассматривала, так что немного помедлила с ответом.

— Не исключено. Может, смерть вообще наступила по естественным причинам, а тело просто оставили здесь. Но оба варианта кажутся мне маловероятными. Если жертва отравила себя сама, посмертные физические изменения неизбежны, особенно в случае с сильными ядами. Рвота, диарея, мышечные спазмы. При естественной смерти такое тоже не редкость. Словом, имей мы дело с естественной смертью или суицидом, тело не выглядело бы таким расслабленным. Похоже, его специально так разместили, чтобы произвести торжественное впечатление. Посмотри, как одна рука лежит на другой, словно молодая женщина отдыхает, как рассыпаны волосы, обрати внимание на положение головы... Кто-то очень тщательно подготовил сцену.

— В этом есть логика, — согласилась Валентина. — То есть получается, что убили ее в другом месте, а тело перенесли сюда. Еще вот что...

- Ты сказала, вопрос один, — прервала Клара.

— Это самый последний. Я видела, что криминалисты прочесывают все доступы сюда, — она кивнула на возвышающуюся Моту-де-Треспаласиос, где агенты орудовали кисточками, словно очерчивали невидимых улиток. — Не знаешь, удалось им что-нибудь обнаружить? Может, следы ног? Если да, то сколько? Один, два человека? Какие-нибудь зацепки?

— Без понятия. Сильнее всего трава примята у центрального прохода, но это ни о чем не говорит. Да и пробраться сюда может кто угодно, так что, вероятно, отпечатков и следов найдется уйма. В общем, из отчетов увидим, криминалистам тут еще работать и работать, территория большая. Если хочешь сама взглянуть на нашу деву, надень защитный комбинезон и ступай по проходу, там уже натоптали.

Валентина одними губами прошептала “спасибо”, получила в ответ мягкую улыбку и подошла к своей группе.

— Сержант, — сказала она Ривейро, — я надену комбинезон, хочу подойти к телу, ты со мной?

— Да, лейтенант.

Сабадель сделал вид, будто не услышал предложения Валентины, но про себя порадовался, что она не заставляет его приближаться к трупу. Лейтенант Редондо знала слабости и достоинства каждого члена команды, он эксперт в области искусства и археологии, а вовсе не криминологии, потому при расследованиях обычно занимается культурным аспектом. Сабадель не выносил близости и зловония смерти. Однако, желая внести свою лепту, он вмешался:

— Лейтенант, история моты довольно интересна.

— Ты знаешь это место, Сабадель?

— Ну... если честно, нет... Но я знаю, что мота — пример земляного военного сооружения концентрической формы, обычно оно было оснащено деревянными башнями, но они, разумеется, не сохранились. В общем, это крайне оригинальный тип средневекового фортификационного сооружения, на Пиренейском полуострове такое редкость.

Все, что сообщил младший лейтенант, Валентина уже успела прочитать на информационном плакате. Сабадель знает не больше нее самой.

— Ладно. Когда вернемся в отделение, изучишь все материалы о моте и подобных сооружениях в наших краях, вдруг это важно. А пока мы с Ривейро будем заняты осмотром тела, проследи, чтобы никто из посторонних сюда не проник, я не хочу, чтобы тут собрались зеваки и фотографировали. Пусть держатся не ближе двухсот метров. Возьми на себя руководство патрульными.

— Сделаю.

— Ах да, и распорядись, чтобы поставили щит повыше или натянули экран вон с той стороны, там с балконов прекрасно все просматривается. Пустите в ход все, что найдется, у меня в машине есть пара термоодеял. И скажите жителям не высовываться из окон и не выходить на балконы, а самое главное — ничего не фотографировать. Агенты из штаба Суансеса тебе помогут, капитан Карусо настоятельно попросил меня, чтобы ничего не просочилось в прессу. Кроме того, нужно будет опросить жильцов всех домов. Чуть дальше есть еще и частные дома, надо и там всех обойти.

— Понятно, лейтенант, — скорбно вздохнул Сабадель.

Валентина и Ривейро облачились в защитные комбинезоны и медленно направились к центру идеальной мишени, которую представляла собой мота, все глубже погружаясь в колодезь времени.

Чем ближе они подходили к трупу, тем сильнее Валентину тревожила странная атмосфера, она никак не могла отогнать навязчивое чувство — своего рода тревожное любопытство, вызванное столкновением с чем-то совершенно чуждым. За время работы она повидала немало трупов в самых разных ситуациях, но никогда не встречала ничего подобного. Если бы не бледность лежавшей перед ней мертвой женщины, она бы приняла все это за театральную постановку. Казалось, они стоят на величественной сцене античного театра — как, например, в Мериде, куда их с братом в детстве водили родители.

Подойдя к телу вплотную, Валентина отказалась от гипотезы о суициде — тело лежало так картинно, что не оставалось сомнений: уложили его намеренно. Валентина и Ривейро присели на корточки.

— Чувствуешь? — спросила она, глядя на сержанта.

— Да, запах не сильный, но отчетливый. Что-то знакомое, вот только определить не могу.

Валентина кивнула и уверенно произнесла:

— Ваниль. Думаю, наша принцесса пахнет ванилью. Невероятно. Ее еще и надушили.

— Твою ж мать.

— Да уж.

Валентина изучала лицо женщины — такое умиротворенное. Вблизи черты напоминали скорее нордические, нежели испанские.

— Что же с тобой случилось, принцесса? Откуда ты такая взялась? — пробормотала Валентина и принялась осматривать одежду.

Неглубокий вырез платья, переплетенный тесьмой цвета старого золота, прикрывала прозрачная шелковая кисея. Простые прямые рукава плотно облегли руки до запястий. Изящная вышивка на манжетах не оставляла сомнений: будь эта женщина (тридцати — тридцати пяти лет на вид, не более) из далеких времен, к простолюдинам она явно не принадлежала бы. Накидка без рукавов, что-то вроде жилета, из тонкой светло-коричневой кожи доставала почти до щиколоток, на ногах темно-коричневые сандалии, с виду ручной работы.

— На испанку не похожа, — задумчиво произнес Ривейро.

— Не похожа, — согласилась лейтенант, — я бы сказала, она из Скандинавии. Одежда и правда выглядит старинной, хотя вроде как не заношенная. Что думаешь?

— Неудивительно, что Маса так впечатлился. Взгляни на обувь, эти сандалии точно носили, они даже приняли форму ее ноги.

— Только не говори, что и ты считаешь ее пришельцем из прошлого. Не позволяй этим декорациям сбить себя с толку, сержант. Машины времени не существует.

— Знаю, лейтенант, просто раньше мы никогда с подобным не сталкивались.

— Тут ты прав. Психи становятся все изощреннее. Может, у нас как раз один из таких, с богатой фантазией? Насмотрелся

фильмов про принцесс и драконов и поехал головой на этой почве?

Ривейро грустно улынулся.

— Может.

— Обрати внимание, на ногтях нет лака, но они очень ухоженные. Ни бус, ни колец нет... Уши тоже не проколоты, никаких серег, так что навскидку я скажу, что она точно не похожа на типичную жительницу большого города. Татуировки или отметины?

Ривейро покачал головой.

— Об этом я вам отчитаюсь через несколько часов, — вмешалась Клара Мухика. — Пока я лишь заглянула к ней под юбку и не обнаружила никаких ссадин, синяков или прочих следов насилия.

— То есть...

— То есть вряд ли ее изнасиловали.

— Ладно. — Валентина облегченно вздохнула, будто ее утешила мысль, что женщину не подвергли насилию, перед тем как убить. — А что с бельем? Оно какое — современное или тоже старинное?

— Ты не первая об этом подумала. Но белья на ней нет.

— Вот как? — Валентина поразмыслила и покосилась на Ривейро. — А она выбрита?

— Тоже нет.

— Если бы не одна деталь, — проговорила лейтенант, — я и сама уже начала бы думать, что где-то среди этих руин запрятан туннель времени.

— Какая деталь? — чуть ли не хором спросили Ривейро и Мухика.

— Брови. Вернее, их форма. Вам они не кажутся слишком?.. Ну не знаю, похоже на депиляцию в салоне красоты. Они у нее современные.

— А ты права, — согласилась судмедэксперт. — Но в целом лицо выглядит очень естественно, она даже не накрашена.

— Как знать, может, пятьсот лет тому назад уже практиковали депиляцию воском, — заметил Ривейро. — Но на гламурную тусовщицу она и правда не похожа, если ты об этом.

— Я рассматриваю все возможности, Ривейро, и пока уверена только в одном: эта женщина не прибыла к нам из Средних веков. В любом случае после судмедэкспертизы у нас появятся более надежные данные. Мухика, а под ногтями у нее что-нибудь нашли?

— Ничего, они в идеальном состоянии.словно она только только из салона и сразу сюда.

— И пахнет ванилью, — добавил Ривейро.

— Да, и это тоже. И монета, которую она держала в руке. Монету забрал Лоренсо Сальвадор. Вон он у автобуса, спросите его.

— Спросим, — кивнула Валентина, — спасибо, Клара. Позвони, как будут результаты, здесь от нас толку мало, займемся опросом местных жителей.

— Хорошо, но дай мне время, ты же меня знаешь, я люблю работать спокойно. Не хочу, чтобы уже через час мой телефон разрывался от звонков.

— Да, конечно, не волнуйся. Выждем час с четвертью, — улыбнулась Валентина.

Она встала, подала Ривейро знак следовать за ней.

Внезапно послышались крики:

— Я имею полное право! Вы что, не понимаете?

Лейтенант и сержант развернулись на вопли — кричал мужчина.

— У вас, разумеется, нет детей, сразу заметно! Надели форму и возомнили себя всемогущими. Да отпустите меня, мать вашу!

— Как только вы успокоитесь. И попридержите язык, а то я могу вас напрямиком отсюда увести в участок, глазом моргнуть не успеете.

Младший лейтенант Сабадель держал за плечи худого светловолосого мужчину средних лет, одетого в пижаму и халат, на ногах тапочки. Лицо Сабаделя было бы безучастным, не выражай оно легкую досаду. Он прищелкнул языком. Мужчина в пижаме перестал сопротивляться, и Сабадель, на помощь к которому уже спешил высокий крепкий полицейский, ослабил хватку и отпустил крикуна, который продолжал бормотать “сраные легавые”.

Валентина подошла к ним. В криминалистическом комбине-зоне она напоминала гостью из будущего. В присутствии постороннего она обратилась к Сабаделю формально:

— Объясните, что тут происходит, младший лейтенант.

— Как это — что тут происходит? Это вы мне объясните, что тут происходит! — снова заорал человек. — Вы знаете, кто я такой? А? Знаете кто?

— Кто-нибудь, срочно вызовите врача, — Сабадель притворился взволнованным, — сеньор не знает, кто он такой.

— Сабадель! — осадила его Валентина. — Давайте сначала все успокоимся. Я лейтенант Валентина Редондо. Представьтесь и вы, пожалуйста.

— Я Мануэль Серденьо, председатель сообщества жильцов нашего дома. — Человек указал на дом. Голос он понизил. — Тут живут маленькие дети, вы в курсе? У меня у самого двое. А нам никто ничего толком не объясняет, говорят, нашли мертвую девушку — ее видела соседка из квартиры 2А. Хоть вы и пытаетесь тут все прикрыть, мы знаем, что на моте что-то произошло. А тут еще нам заявили, чтобы не подходили к окнам. Да это форменное нарушение конституционных прав! Ваш долг уведомить нас о случившемся, мы за это вообще-то налоги платим. А вы обращаетесь с нами, будто мы преступники.

— Уважаемый сеньор, наш долг — обеспечивать безопасность и порядок. На моте сейчас ведется расследование, и от местных жителей требуется одно — спокойствие. Уверена, что вы как председатель поспособствуете этому. Разумеется, как только нам разрешат поделиться информацией, мы первым делом свяжемся лично с вами как с представителем жильцов. А пока вы можете оказать услугу следствию. Скажите, видели вы или слышали что-нибудь необычное этой ночью?

Мануэль Серденьо, казалось, немного расслабился. Слова Валентины, что должность председателя сообщества жильцов дает ему какие-то привилегии в глазах полиции, были, разумеется, лишь словами, но они возымели действие.

— Я, ну... Нет, ничего необычного не слышал и не видел, пока вас не углядел в окно кухни... В будние дни я встаю рано, и...

- Понятно. А ваша квартира?
- Что? Вы хотите осмотреть мою квартиру?
- Нет. Но если вы не возражаете, я хотела бы узнать, из какой вы квартиры, чтобы опросить остальных жильцов.
- Конечно, конечно, я понял. Первый корпус, квартира 1В.
- Спасибо. А сейчас, с вашего позволения, нам нужно продолжить работу, так что прошу вас вернуться к себе. Мы свяжемся с вами, если у нас возникнут еще вопросы, и тогда предоставим всю информацию... совершенно конфиденциально, разумеется.
- Я все понял. Но вы действительно свяжетесь со мной?
- Сразу же, не волнуйтесь.

Человек немного поколебался, но потом двинулся прочь. Когда он отошел на приличное расстояние, Валентина повернулась к Сабаделю.

- И что, это так сложно? — яростно, но тихо спросила она.

Сабадель отвел взгляд. Лейтенант Редондо никогда не повышала голоса, разговаривая со своими подчиненными при свидетелях, но непрофессионального поведения на месте преступления она не выносила.

- Может, ты заметил, что бедняга ушел ни с чем, но успокоенный. И, ради всего святого, не заставляй меня больше тратить время на такие глупости! Мы не на детской площадке.

— Лейтенант, он просто налетел на меня и сразу начал орать, что мне еще оставалось делать?

- Ох, даже не представляю. А я сейчас что делала? — Валентина Редондо с трудом сдерживала гнев. — Обсудим в отделении.

Даже не взглянув на Сабаделя, лейтенант направилась к Лоренсо Сальвадору, начальнику криминалистов. Сержант Ривейро молча последовал за ней. По пути им встретились кинологи с двумя немецкими овчарками, собакам предстояло обследовать территорию. Если убийца оставил хоть какие-нибудь следы, вряд ли их пропустят полицейские собаки.

- Доброе утро, лейтенант Редондо, — радушно поприветствовал Лоренсо Сальвадор.

Начальник криминалистов был невысоким человеком с тщательно уложенными волосами, в которых серебрилась седина.

Он производил впечатление человека, который с достоинством принимает свой возраст. В свои пятьдесят, несмотря на наметившийся животик, выглядел он очень молодо — возможно, потому, что в любой ситуации сохранял превосходное расположение духа.

Он улыбнулся Валентине:

— Ни свет ни заря, а у вас уже страсти кипят.

— Очень смешно, Сальвадор.

— В какой-то момент я даже испугался, что этот тип сейчас снимет тапок, а в нем оружие массового поражения. — Но, увидев, что Валентине не до шуток, Сальвадор перешел к делу: — Ладно, Редондо, как тебе наша ренессансная дева?

— Кто?

— Труп на моте, лейтенант.

— А. Но почему ренессансная?

— Из-за монеты. Ты разве не про монету хотела спросить?

— Угадал.

— Вот, любуйся. — Он протянул Валентине пластиковый пакет с монетой внутри.

Монета была тонкая, тусклая и истертая, на первый взгляд выглядела так, будто ее вылепили из пластилина. Изображения и буквы от времени смазались, хотя можно было различить льва в короне на обратной стороне монеты и башню — или замок — на лицевой.

— Похоже на медь, — сказал криминалист, — с виду настоящая. И если мои подслеповатые глаза не подводят, тут указан 1563 год.

— То есть шестнадцатый век.

— Именно. Поэтому и Ренессанс.

— Ренессанс, значит? Но пока мне все талдычили про Средневековье.

— Ну да, одета она на средневековый манер, но, если не ошибаюсь, Средневековье закончилось где-то веке в пятнадцатом, нет? А потом Ренессанс, барокко и... Ладно, без понятия, что там дальше — промышленная революция? — Он пожал плечами. — В общем, на этот раз ты найдешь, чем занять своего спеца по

культуре. — И с выражением полнейшей невинности Сальвадор посмотрел в сторону Сабаделя.

Проследив за его взглядом, Валентина вздохнула:

— Получается, у нас неопознанная женщина, одетая, по всеобщему мнению, как в эпоху Средневековья, но в руках у нее монета эпохи Ренессанса. Кроме того, вероятно, умерла она не здесь, а тело перенесли на моту. То есть места преступления у нас тоже нет. Потрясающе.

— Судья с секретарем прибыли, — вмешался Ривейро.

— Отлично, — ответила Валентина. — Чем быстрее увезут тело, тем лучше.

Она проследила, как паркуется судья Хорхе Талавера. Валентина очень ценила упорство судьи и его умение разобраться в самой щекотливой ситуации. Он был асом судебных протоколов и всевозможных бюрократических процедур. Характером Талавера обладал легким, нравом веселым, но с Валентиной они так и не сблизились. Валентина была перфекционисткой, помешанной на работе, а Талавера — жизнелюбом, который, несмотря на весь свой профессионализм, не принимал близко к сердцу проходившие через его руки дела. К тому же в жизни Талаверы, помимо работы, имелась и семья — жена и две дочери-подростка, которых он самозабвенно баловал и с которыми столь же самозабвенно ругался.

Талавера ценил настойчивость Валентины Редондо, ее личную вовлеченность в расследования, но вот ее перфекционизм находил чрезмерным и даже слегка нездоровым. А еще его смущал ее взгляд. Зеленый глаз Валентины смотрел тепло, а другой глаз, бездонно-черный, будто гипнотизировал. Талавере, хоть они с Валентиной и были знакомы уже несколько лет, виделось в этом разноцветном взгляде нечто смутно-враждебное.

Выйдя из машины, Талавера поприветствовал Валентину сдержанным кивком. Лейтенант смотрела, как судья с секретарем идут по проходу навстречу Кларе Мухике — Клара и судья были близкими друзьями. Валентина не присоединилась к ним, ожидая, когда сможет побеседовать с судьей. Необходимо уведомить все полицейские участки и управления и выяснить, не

заявлял ли кто-нибудь об исчезновении этой загадочной женщины с моты, не числится ли она где-то в списках пропавших.

В ход ее размышлений ворвался голос сержанта Ривейро:

— Тебя что-то беспокоит, Редондо?

Она улыбнулась:

— Кроме очевидного?

— Да, кроме. Я же вижу, ты нервничаешь.

Она кивнула.

— Помнишь, мы обсуждали методы уголовного расследования, когда я только прошла курс профайлинга в Мадриде? — спросила лейтенант.

— Ты сейчас о психологическом профиле преступника, верно?

— Именно. Так вот, меня тревожит то, что убийца явно обладает познаниями в области паталогоанатомии.

— Ты права. Он все проделал крайне аккуратно. Останься здесь хоть какие-то следы и отпечатки, он наверняка от них избавился.

— По всей видимости, да. Остается лишь надеяться, что он не так скрупулезен, не такой педант, каким себя считает, и криминалисты что-нибудь да обнаружат. Но, боюсь, это слабые надежды. И вот еще что сразу бросается в глаза: убийца хотел, чтобы мы нашли ту одну-единственную подсказку, которая у нас сейчас и есть.

— Монета?

— Монета. Что он хочет нам этим сказать? Он ведь все равно что подпись оставил, понимаешь? Догадываешься, что это значит?

— Вроде бы... Пожалуй, да, — задумчиво произнес Ривейро, пытаясь припомнить рассказы Валентины про опыт, полученный на курсе профайлинга. Такие же методики расследования применялись в английском Скотланд-Ярде и во французской Сюрте. Сержант заговорил, прикрыв глаза, словно так его память работала лучше: — Когда убийца оставляет подпись, это означает, что он методичен; он знает, что его будут искать, но не сомневается в своей безнаказанности, так? Он считает себя умнее нас... Честно говоря, Редондо, не знаю, какая психологиче-

ская хрень подтолкнула его оставить свою подпись. Он что, желает поиграть в кошки-мышки?

— Возможно. Или же он сделал это по какой-то причине, которая пока нам неясна. Но я уверена, что так он заявляет о своих намерениях.

— В каком смысле? Ты о чем?

— Он сделает это снова, Ривейро. — Лейтенант вздохнула, глядя в центр моты, где стоял судья Талавера. Потом перевела взгляд на сержанта и жестко повторила: — Он сделает это снова.